

Научная статья

УДК 351

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-212-219

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Максим Евгеньевич Козловский

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X

Аннотация. *Целью исследования* является анализ городского пространства и городской культуры как сферы обеспечения безопасности человека, способной защитить горожанина и гостей от внешних негативных воздействий.

Методологическую базу исследования составляет социокультурный подход, позволяющий проанализировать городское пространство как культурный и социальный феномен, а также экзистенциальный подход, позволяющий раскрыть аспекты безопасности городского пространства как необходимого фактора существования современного человека.

Результаты исследования. Автор статьи отмечает, что совместная городская жизнь способствует формированию приоритетных отношений между членами объединенных локаций, которые заключают себя в «невидимые» границы. Это не отменяет открытость многих городов «внешнему», сложившимся системам обмена и международной коммуникации, которые, однако, осуществляются посредством пор и сложной совокупности каналов внутри сферических оболочек. Вместе с тем стоит отметить и потерю прежней ответственности за безопасность со стороны официальной власти, в особенности это становится актуальным, когда перед нами возникает проблема искусственного интеллекта.

Перспективой исследования является дальнейший анализ формирования культуры городского пространства вокруг человека как фактора создания безопасной среды.

Ключевые слова: город, безопасность, цифровизация, городская культура, безопасное пространство, городское пространство, комфорт, процесс выживания, городская культура

Для цитирования: Козловский М. Е. Формирование культуры городского пространства в контексте обеспечения безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 212–219. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-212-219>.

Original article

FORMATION OF URBAN SPACE CULTURE IN THE CONTEXT OF SECURITY

Maxim E. Kozlovsky

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze urban space and urban culture as a sphere of human security that can protect citizens and guests from external negative influences.*

The methodological basis of the research *is a socio-cultural approach that allows analyzing urban space as a cultural and social phenomenon, as well as an existential approach that allows revealing aspects of urban space security as a necessary factor of modern human existence.*

The results of the study. *The author of the article notes that joint urban life contributes to the formation of priority relationships between members of united locations who enclose themselves in «invisible» boundaries. This does not negate the openness of many cities to the «external», established systems of exchange and international communication, which, however, are carried out through pores and a complex set of channels inside spherical shells. At the same time, it is worth noting the loss of the former responsibility for security on the part of the official authorities, especially when we face the problem of artificial intelligence.*

The prospect of the study *is further analysis of the formation of the culture of urban space around a person as a factor in creating a safe environment.*

Keywords: *city, security, digitalization, urban culture, safe space, urban space, comfort, survival process, urban culture*

For citation: *Kozlovsky M. E. Formation of Urban Space Culture in the Context of Security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 212–219. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-212-219>.*

Введение. В современном городе жизнь в значительной степени усложняется, становясь одновременно более напряженной, что не в последнюю очередь связано с влиянием самых последних технологий в сфере взаимодействия человека с окружающим миром. Во многом оставаясь местом концентрации высокой культуры, город несет в себе значительные риски для человеческой экзистенции, связанные с утратой защищенности и появлением новых угроз. Собственно, город и есть защищенная со всех сторон территория, которая часто выполняла роль укрепленного района. Даже город без видимых стен формирует определенное внутреннее пространство, «интеллектуальное силовое поле», обладающее единством и замкнутостью.

Изучая городское пространство, стоит отметить, что оно может быть эксплицировано как сложная и одновременно динамич-

ная система, перестраиваемая в результате постоянных социокультурных изменений [1], поэтому городам необходимо сохранять и поддерживать историческое (культурное) ядро, которое может по-прежнему выполнять политическую роль серьезного символического идентификатора. Таким образом, далеко не только хозяйственно-экономическая жизнь выступает базисной для организации города, но и городская культура, связанная с определенной географической местностью и историческим наследием, также является базисной для создания искусственной среды обитания. Так, городам по-прежнему нужен своего рода смысловой центр, способный организовывать духовные потенции и устремления его обитателей. При этом городская среда должна реагировать на угрозы безопасности, в том числе возникающие в результате интенсификации самого процесса урбаниза-

ции. Но, с другой стороны, современные города в сравнении с городами прошлых исторических эпох во многом утратили некогда очевидный военный и даже прежний политический потенциал и влияние. В настоящее время также довольно редкими являются суверенные города-государства, все-таки обнаруживаемые на политической карте мира.

Специфика города как безопасного пространства. Интересно, что в древности безопасность городов обеспечивали не только внешние укрепленные стены, но и духовное содержание храмов и других сакральных объектов, расположенных внутри городского пространства [9]. К тому же города оставались хранилищами самых передовых знаний и цивилизационных достижений, которые могли быть подвергнуты разорению. Таким образом, город оказывался системой, которая в кризисные моменты могла практически полностью становиться непроницаемой для внешнего противника. Город всегда мог оказывать сопротивление своим недоброжелателям, исходя из особых ресурсов солидарности, которые в большей степени тяготели к биоцентрическим метафорам обитания, чем даже к проекции комплекса идей и представлений о суверенной нации [3]. Другое дело, что на определенном историческом этапе развития цивилизации «городские сферические проекты» в целом были «побеждены» проектами национальными и глобальными.

Порой близость и концентрация множества людей в одном месте вселяла в горожан уверенность, помогала им увеличивать веру в собственные силы. При этом жители городов, прибегая к единому самосознанию и особого рода солидарности, могли сопротивляться не только физическому, но и духовному воздействию. Вместе с тем горожанам легко было оказаться в полной блокаде, лишившись возможности покинуть свой город в самый разгар боевых действий, поэтому порой город-крепость достаточно быстро мог превратиться в «братскую могилу» или подвергнуться сожжению. Однако уже в эпоху позднего Нового времени ситуация начала изменяться, и в последнее время с исчезновением внешних угроз

значительно возросли риски внутренней безопасности крупнейших мегаполисов мира.

Проблема недоверия к другим остро стоит перед жителями многих городов. Пожалуй, человеку легче «окуклиться», создав вокруг себя «невидимую» защиту, а также максимально ограничить круг контактных лиц [5]. Тем более, что со многими людьми можно даже по необходимости контактировать посредством сети Интернет, то есть фактически дистанционно. Так, например, по мнению современного философа О. В. Новиковой, оказывается, что главной «интенцией человека массы — жителя большого города — стало недоверие к другим и закрытость. С одной стороны, эти чувства продиктованы экстраполяцией такого недоверия к незнакомому миру на его обитателей, с другой — они выступили механизмом психологической защиты» [7, с. 17]. Таким образом, выходит, что недоверие во многих случаях выступает фактически необходимым условием безопасности и защиты от окружающего «внешнего».

В результате цифровизации социума и погружения человека в виртуальную (или одновременно «дополненную») реальность произошли сдвиги в сфере ценностных установок¹. Можно говорить даже о фетишизации виртуальной реальности, которая начинает цениться выше, больше, чем «традиционные» типы коммуникации между людьми. Вместе с тем виртуальная реальность оценивается рядом экспертов как более безопасная форма организации духовной жизни современного человека. Тем не менее многие исследователи справедливо отмечают, что «панорамное доминирование средств массовой информации, цифровой среды (“цифровой человек”, “цифровое поколение”, “цифровые аборигены”), интенсивность, масштабность попыток постоянного форматирования общественного сознания приводит к изменению аксиологических стереотипов личности» [10, с. 51]. Таким образом, поиск безопасности и защиты сохраняется в качестве важного сценария человеческого поведения в городском пространстве. Другое дело, что индивид сталкивается с целым рядом рисков цифрового характера, которые легко могут быть кон-

¹ Цифровизация городов [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <http://csr.ru/news/tsifrovizatsiya-gorodov/> (дата обращения: 15.09.2023).

вертированы во вполне реальные угрозы для человеческой жизни и психики.

В целом можно предполагать, что «протогорода», архаичные места обитания людей строились по типу защитных сфер, напрямую связанных с биологией человека. Следовательно, сами города должны были обладать определенным рода иммунитетом, в том числе и против «невидимых», духовных угроз, поэтому и развитие городской инфраструктуры всегда предполагало утверждение и расширение «символов безопасности», обеспечивающих сбережению их потенциала. То есть безопасность интерпретировалась в городском пространстве довольно в широком культурном контексте, предполагающим в свою очередь и терапевтический характер, необходимый как для его постоянных обитателей, так и для гостей, поэтому неудивительно, что в подобного рода «огороженных» (и защищенных со всех сторон) местах (сферах) человек древности мог успокоиться и чувствовать себя довольно уверенно, находясь фактически в безопасности.

Основой безопасности во многом является рациональность современного человечества, которая культивируется в качестве методики выявления реальных (а не мнимых) угроз. Таким образом, рациональность, ориентирующая человека в первую очередь на материальный успех, приобретает нормативный характер, становится базисной в отношении к природному окружению. Как отмечает В.Н. Порус, «общей характеристикой так понимаемой рациональности стала ориентация на образцы успешной (познавательной, конструктивной, хозяйственной и т.п.) деятельности» [8, с. 7]. При этом, однако, не стоит забывать, что сфера «иррациональных» чувств и эмоций может занимать в жизни человека определяющую роль. Не в последнюю очередь вышесказанное относится и к выбору человеком места своего возможного обитания.

Пожалуй, не только комфорт, но и сам процесс выживания в крупном городе зависит от решения целого ряда транспортных проблем, которые в свою очередь могут также оказывать прямое влияние на формирование приемлемых параметров безопасности внутри городского пространства [6]. «Ключевой категорией в формообразующих процессах современного крупного города, по мне-

нию ряда отечественных исследователей, является скорость, в результате чего третьей линией развития градостроительных практик стоит назвать динамизм пространства. Стремительность, с которой перемещается житель современного мегаполиса, существенно сокращает дистанцию между уплотненным центром и разреженной периферией. Важнейшая функция городского пространства на сегодняшний день — это функция не столько локализации и ранжирования, сколько обеспечения свободы перемещения» [2, с. 7], причем обитатели города могут зачастую и вовсе «проскакать» центр, перемещаясь внутри него в основном из одной периферии в другую. Крупные города, и в первую очередь мегаполисы, существенно преобразуют чувственность индивида, который вынужден перемещаться внутри города на высоких скоростях, как это происходит, например, в метро. Теперь многие важные культурные объекты оказываются вне зоны досягаемости даже коренных горожан, погруженных, как правило, в трудовые будни или в цифровую среду.

Таким образом, оказывается, что «город» или, вернее, «протогородской» способ существования фундирован в биологической природе и жизни самого человека. По крайней мере, многих философов поражают аналогии между миром человеческой культуры и реальностями природы. В первую очередь людей объединяет с животными стремление к безопасности и продлению своего рода часто на более выгодных биологических основаниях. Оказывается, что человек в соответствии со сферологией представляет собой существо, которое стремится находиться в надежно защищенной сфере, часто полагая окружность вокруг себя в качестве «невидимой» реальности, постигаемой в интуиции.

Экзистенциальные аспекты безопасности современных городов. Речь о городской солидарности существенно раздвигает границы понимания современного человека не только как социального, но и как биологического или даже биосферического существа, обладающего собственной природной онтологией, понимаемой как защитная сфера. Так, например, известный немецкий философ П. Слотердаик акцентирует внимание на том, что «уже задолго до того, как

небольшие человеческие группы вели жизнь кочующих охотников и были чрезвычайно далеки от того, чтобы прятаться за городскими стенами и имперскими пограничными валами, они в любом случае существовали внутри неких самозакругляющихся и самозамыкающихся форм: мы называем их теплицами сферической солидарности, лишенными стен, при этом под солидарностью мы подразумеваем нечто совершенно иное, чем воображаемую и организованную солидарность объединенных общими интересами групп современных массовых обществ, будь то солидарность так называемого рабочего класса или солидарность пожилых и молодых, в обход социальных классов, связанных друг с другом мнимыми (очевидным образом несерьезными) договорами поколений» [10, с. 197]. Таким образом, оказывается, что городские локации фактически представляют собой довольно плотные «теплицы сферической солидарности», позволяющие поддерживать безопасность крупных сообществ людей, живущих в относительной близости друг от друга, а порой и вовсе не разделенных собственной землей (территорией).

Иммунные метафоры в достаточной степени укоренились в современной философии, хотя сам латинский термин «*immunis*» имеет как юридические, так и позднейшие биологические и медицинские коннотации. Данный термин, однако, хорошо передает смысл защиты как от инфекции, так и освобождения от уголовного преследования. *Im-minus* (как неприкосновенность) в древнем Риме использовалось также в значении освобождения от налогов и государственных властей. В современную эпоху понятие иммунитета широко распространилось в медицинских практиках, направленных на постоянное поддержание здоровья человека в оптимальной форме. Так, под иммунитетом стали понимать своего рода «внутреннюю броню» человека, защищающую его от различного рода вредных бактерий и вирусов. В целях профилактики людям, как правило, рекомендуют повышать и укреплять собственный иммунитет. Сюда же можно отнести различные практики, направленные на общее оздоровление организма путем холистических методик.

Следуя вышеприведенной метафоре, возможно и человеческие сообщества, сконцен-

трированные в городах (и не только), понимать как своего рода иммунологические сферы, способные поддерживать высокий уровень безопасности и в случае необходимости предоставлять защиту всем желающим. Вместе с тем формирование защитных оболочек вокруг себя во многом является тоской по прежнему бытию, протекавшему внутри материнского лона. Города, таким образом, реализуют давнюю тягу человечества к организации обширных и безопасных сообществ, в которых функции безопасности постепенно делегируются специальным службам. Так, например, согласно мнению, П. Слотердайка, человек представляет собой «животное, которое вместе со своими существенными другими почти в любой ситуации порождает эндосферы, ибо оно остается сформированным воспоминанием о некоем другом прежнем-внутри-бытии и предвосхищением какого-то последнего бытия-в-оболочке. Он рожденное и смертное живое существо, пребывающее в определенном интерьере в силу того, что он сменил один интерьер на другой. В любом месте обитания на человека воздействуют напряжения, вызванные его перемещением. По этой причине его история всегда представляет собой историю стен и их метаморфоз» [10, с. 204]. Изначально, вернее, сразу после рождения, человек ограничивал свое существование более или менее естественными перегородками, рассчитывая на иммунитет, который дает сама природа. Однако, в процессе своего технического развития человечество начинает увлекаться созданием искусственных иммунных систем, которые в определенной степени противостоят окружающим силам.

Города, несомненно, представляют собой экзистенциальные укрытия, но и сельские поселения в принципе стремятся или тяготеют к архаичным формам протогородской организации. Сам город в значительной степени освобождал от сельского труда, вселяя уверенность в технологическом превосходстве человека над природой. Таким образом, речь идет о «закругленных пространствах» как обжитых человеком территориях, которые строятся по образу «утраченного рая» [4], поэтому и город в определенном смысле всегда утопичен, а в основе его лежит мечта о безмятежном существовании. При этом об-

раз самого города в качестве специфического (метафизического) объекта интегрирован в основание современной технократической цивилизации. В то же время в городах можно обнаружить парковые зоны, которые призваны демонстрировать жителям укрощенную природу, сохраняющую почти в полном объеме свои рекреационные возможности.

Во многом даже представления о внутренней душевной жизни отдельного человека оказываются тесно связанными с его базовыми сферологическими представлениями о наиболее лучшей жизни, причем довольно часто терапевтический эффект от защитных стен бывает на порядок больше (и важнее для душевного спокойствия человека), чем их реальные возможности обеспечить достаточную безопасность. Так, например, согласно П. Слотердайку, оказывается, что на самых ранних этапах развития цивилизации «древнейшие орды обнаруживают эту тенденцию к примату внутреннего; в качестве реально существующих теплиц отношений приводя членов группы к их относительному оптимуму, они ориентированы прежде всего на самосохранение за непостроенными стенами и возведенными перегородками» [10, с. 197]. Более того, даже поселения кочевников стремятся к ограничению собственных сфер, путем, например, возведения шатров или временных «круглых» жилищ.

Следуя концептуальной метафоре П. Слотердайка, можно предположить, что существование человека во многом обеспечивается его постоянным стремлением «находиться внутри» в защищенном сферическом пространстве. Конечно, не стоит забывать, что безопасность современного города обеспечивается не перегородками, а скорее, средствами усиленного надзора. Но, с другой стороны, существование более или менее безопасных районов свидетельствует о том, что даже потенциальные преступники и маргиналы из гетто довольно редко покидают те сферы, в которых чувствуют себя «хозяевами». Более того, даже «неблагополучные» жители городов обнаруживают тенденции создавать собственные защитные сферы, укрытия, обеспечивающие минимальный комфорт.

Во многом уверенность горожан связана с обжитостью привычной среды обитания,

которая признается своей собственностью. В своем городе помогают родные стены, даже если сам город не обладает какими-либо видимыми стенами или перегородками, при этом и сам человек должен образовывать с миром доверительные отношения. В отличие от философии М. Хайдеггера здесь важно не просто «присутствие» человека как бытие-в-мире, а его присутствие-в-доверии. Однако получается, что человек, скорее, всегда закрыт по отношению к внешнему, чем открыт миру. По крайней мере, человек не отказывается от стремления находиться внутри безопасной сферы, поскольку открытость таит угрозу.

В принципе, защитная сфера может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от целого ряда факторов, где ключевую роль играет привычка и транспортная (комфортная) доступность тех или иных мест. Безопасность может оказаться под угрозой в случае трансформации округлых пространств, то есть в ситуации, когда прежние сферы были разрушены, а новые еще не были полностью сформированы. «Поскольку обитание всегда означает формирование как малых, так и больших сфер, то люди, по мнению немецкого философа П. Слотердайка, — это существа, создающие круглые миры и окруженные определенными горизонтами. Жить в сферах означает создавать такое измерение, в которое могут быть включены люди. Сферы — это эффективные с точки зрения иммунных систем пространственные творения для экстатических существ, в которых действует внешнее» [10, с. 25].

Несомненно, что даже локальные городские культуры обладают в данной связи своей собственной селективностью, а также вниманием к тем или иным угрозам внутренней солидарности. По мнению П. Слотердайка, дискурс о замкнутых сферах раскрывается как повествование «о солидарности в теплицах формы», которое указывает на то, «что для тех, кто действительно живет вместе, внутренние отношения имеют безусловный приоритет по сравнению с так называемыми отношениями с окружающим миром» [10, с. 197]. В данной связи интересным является тот факт, когда горожане в период отпуска выезжают «за город», то есть оказываются

во внешнем мире, а, например, на телефонный звонок отвечают, что «я не в городе», что указывает на чрезмерную занятость или погруженность в рекреационные практики.

Вместе с тем формирование сфер вокруг себя может как носить повседневный характер городской или сельской жизни, так и выливаться в глобальные политико-сферические проекты. Сюда можно отнести создание глобальных цивилизаций, до сих пор во многом функционирующих на основе общей религиозной традиции (объединяющих и собирающих людей под единым куполом). Тем не менее разрушение многих городов, связанное с утратой безопасности, свидетельствует о катастрофическом крушении иммунологических сфер, причем городские катастрофы прошлого довольно рельефно были зафиксированы в мифологии различных стран и народов, связывавших эти события напрямую с грехами людей.

Заключение. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что человек не ограничивается формированием вокруг себя какой-то отдельной сферы (безопасности), но стремится заключить себя порой в множество закругленных миров. Так, например, принадлежа сразу к нескольким социальным кругам или семьям (одновременно к более большим или малым), индивид чувствует большую защищенность от всепоглощающей мощи внешнего. В данной связи стоит заметить, что даже архитектура в подобной перспективе будет иметь явные биологические корни, а сами архитекторы — выступать в роли культурфилософов. Вместе с тем установки человека, формирующие его отношение к внешнему миру и окружающей среде, оказываются проекциями пренатального опыта. Следуя сферологической теории П. Слотердайка, можно сказать, что архитектура и строительство различного рода округлых объектов во многом является попыткой восполнения, утраченного пренатального опыта единства с матерью.

Список источников

1. Акалелова Т. А. Социальное пространство современного города // Теория и практика общественного развития. 2014. №9. С. 23–25.

2. Бабаева А. В., Крашенинников А. А. Антропологическое измерение пространства современного города // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. №2(27). С. 14.

3. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда [Электронный ресурс] // Высшая школа урбанистики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <http://mosurbanforum.ru/online/> (дата обращения: 23.09.2023).

4. Ганжа А. Г. Запреты в большом городе: свобода от принуждений или принуждение к свободе? [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaprety-v-bol-shom-gorode> (дата обращения: 23.09.2023).

5. Злотникова Т. С., Фролова А. В. «Человек массы» в современном городе // Ярославский педагогический вестник. 2015. №3. С. 232–240.

6. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 397 с.

7. Новикова О. В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. №2. С. 12–20.

8. Порус В. Н. Многомерность рациональности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII. №1. С. 5–16.

9. Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещение [Электронный ресурс] // Библиотека BOOKARY. М.: Литагент «ИЭП им. Гайдара», 2013. URL: <http://bookary.ru/vadim-rossman/stolitsy-ih-mnogoobrazie-zakonomernosti-razvitiya-i-peremesheniya> (дата обращения: 15.09.2023).

10. Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. II: Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.

References

1. Akalelova T. A. Social'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Social space of a modern city]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2014; (9): 23–25. (In Russ.).

2. Babaeva A. V., Krashennnikov A. A. Antropologicheskoe izmerenie prostranstva sovremennogo goroda [Anthropological dimension of

the space of a modern city]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Mininsky University]. 2019; 2(27): 14. (In Russ.).

3. Vysokovskij A. Bor'ba za gorozhanina: chelovecheskij potencial i gorodskaja sreda [The struggle for the citizen: human potential and the urban environment] [Elektronnyj resurs]. Vysshaja shkola urbanistiki. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki» [Higher School of Urban Studies. National Research University «Higher School of Economics»]. URL: <http://mosurbanforum.ru/online/> (data obrashhenija: 23.09.2023). (In Russ.).

4. Ganzha A. G. Zaprety v bol'shom gorode: svoboda ot prinuzhdenij ili prinuzhdenie k svobode? [Prohibitions in the big city: freedom from coercion or coercion to freedom?] [Elektronnyj resurs]. *Russkij zhurnal* [Russian journal]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaprety-v-bolshom-gorode> (data obrashhenija: 23.09.2023). (In Russ.).

5. Zlotnikova T. S., Frolova A. V. «Chelovek massy» v sovremennom gorode [«Mass man» in a modern city]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2015; (3): 232–240. (In Russ.).

6. Ljendri Ch. Kreativnyj gorod [Creative city]. Moscow: Klassika-XXI, 2006. 397 p. (In Russ.).

7. Novikova O. V. Filosofija goroda: k probleme chelovekomernosti gorodskogo prostranstva [Philosophy of the city: to the problem of human dimension of urban space]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Psihologija* [Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology]. 2021; (2): 12–20. (In Russ.).

8. Porus V. N. Mnogomernost' racional'nosti [The multidimensionality of rationality]. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2010; (1): 5–16. (In Russ.).

9. Rossman V. Stolicy. Ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshhenie [Their diversity, patterns of development and movement] [Elektronnyj resurs]. Biblioteka BOOKARY. Moscow: Litagent «IJeP im. Gajdara», 2013. URL: <http://bookary.ru/vadim-rossman/stolitsy-ih-mnogobrazie-zakonomernosti-razvitiya-i-peremesheniya> (data obrashhenija: 15.09.2023). (In Russ.).

10. Sloterdajk P. Sfery. Makrosferologija [Spheres. Macrospherology]. Vol. II: Globusy. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 1024 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 04.09.2023; approved after reviewing on 22.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козловский Максим Евгеньевич — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim E. Kozlovsky — Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia